

листическая и, следовательно, не может быть выделена в особую область анализа. Даже если имеется в виду лексика, отбор тех или иных языковых средств, ориентация автора на ту или иную языковую практику, то и эти явления имеют прямое отношение к стилистике и от нее не отделимы. К сожалению, все или почти все эти работы, посвященные «языку писателя» на материале древнерусской литературы, вопросам стилистики не уделяют сколько-нибудь внимания и преследуют чисто лингвистические задачи. Единственное известное мне исключение — статья В. В. Виноградова «Наблюдения над стилем „Жития протопopa Аввакума“», напечатанная еще в 1923 году в сборнике «Русская речь». Здесь «Житие» Аввакума рассматривается с позиций лингвиста, но лингвиста, учитывающего, что язык писателя — факт искусства, что его нельзя разять только по категориям грамматики (фонетика, морфология, синтаксис) и этим ограничиться, что всякая такая попытка по отношению к поэтическому языку — схоластика. К сожалению, работа В. В. Виноградова не нашла продолжателей в области древнерусской литературы.

Стилистика — очень важный элемент художественной структуры литературного произведения, но не единственный. За пределами собственно стилистического анализа остаются композиция, те или иные способы повествования, построения сюжета, принципы типизации. За пределами стилистического анализа лежат и то, что объединяет все эти элементы, стилистику в том числе, — творческий метод писателя.

Творческий метод писателя или писателей, если они объединяются одной и той же эстетической платформой, выражает отношение художника к действительности и определяет собою всю структуру произведения в целом, весь его художественный строй. За методом стоит определенная система философских и эстетических воззрений, миропонимание в целом. Определить творческий метод писателя значит определить тот угол зрения, под которым он рассматривает действительность, судит о ней, установить тот художественный аспект, в котором он познает действительность.

Для изучения творческого метода, помимо самих произведений — основного источника, — могут и должны быть привлечены суждения писателя о собственном творчестве, его эстетические взгляды. В этом последнем отношении историки новой русской литературы находятся в более выгодном положении: они подчас располагают в высшей степени богатым материалом (письма, дневники и пр.). У историков древнерусской литературы такого материала очень мало, но он все же есть, и учесть его необходимо (см. программные заявления галицкого летописца, суждения некоторых агнографов XV—XVI веков о собственном мастерстве, высказывания протопopa Аввакума о языке и «правде» изображения и пр.). Нам предстоит еще собрать этот материал и тщательно его проанализировать.

Изучение творческого метода — задача нелегкая. Но есть путь, идя по которому легче всего проникнуть в тайну творческого метода писателя. Путь этот — человек в его изображении. Человек в изображении писателя — это тот центр, к которому стягиваются все нити, управляющие художественным механизмом произведения, тот фокус, в котором получает свое наиболее яркое воплощение «стиль» писателя. Человек всегда был и будет основным объектом художественного познания, и именно в принципах его изображения — ключ к пониманию творческого метода художника.

Что сделано историками древнерусской литературы в этом направлении? Сделано еще очень мало. Но важно отметить, что работа в этом направлении уже началась. У нас уже есть отдельные исследования,